

Д.Я. Майдачевский

ПЛЮРАЛИЗМ ПОДХОДОВ В ИСТОРИОГРАФИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

История экономической мысли — давно и устойчиво маргинализирующаяся отрасль экономического знания. Основную вину за утрату дисциплиной ее статуса следует возложить на господствующие в ней историографические подходы к познанию прошлого экономического знания. Презентистская методология последних обуславливает доминирование определенного видения предмета познания, его превращение в своеобразный «мейнстрим» предметной области историографии экономической науки. За пределами которого, в лучшем случае в ряду альтернативных направлений историко-экономической науки, а в худшем — в разделе «ненаучного коллекционирования фактов и сведений», повышающих общую культуру экономиста, оказываются историцистские/контекстуалистские подходы.

Приверженцы подобного «мейнстрима» фактически лишают историю экономической мысли собственного предмета и методов, отличных от современной экономической теории, передают дело превращения истории экономической мысли в научную дисциплину в руки той части экономической науки, которая исключительно в целях разработки новых концепций обращается к трудам мыслителей прошлого. История экономической мысли в этом случае — неотъемлемая часть экономической теории/теорий, что закрепляет за ней презентистскую традицию обсуждения прошлого экономического знания с позиций современного теоретического дискурса. Истории экономической мысли отводится роль инструмента в строительстве современной теории, будь то мейнстрим или неортодоксальные ее направления, потребителя историко-экономического знания. В лучшем случае доводящего его до готовности в це-

лях текущих исследований, но никак не производителя нового историко-экономического знания.

Обретение историей экономической мысли собственного предмета связано, в первую очередь, с преодолением презентизма, будь он наследием марксистского периода ее бытования, результатом «шараханья» к неоклассическому мейнстриму или «увлечения» неортодоксальными направлениями и использованием их опыта реконструкции прошлого, обеспечивающей современное понимание старых идей и теорий. Освобождение от интеллектуальной зависимости от развития предмета экономической теории (теорий), отказ от выполнения роли поставщика «новых» аналитических достижений или интерпретатора «старых», неизбежно ведет к противоположному полюсу оппозиции презентизм—историцизм, к необходимости определения предметной области дисциплины, нацеленной на изучение собственно/собственной истории мысли, с неизбежной же оценкой иррациональных моментов в ней.

На роль историографического манифеста сторонников исторической реконструкции, или историцистского/контекстуалистского подхода в отечественной историко-экономической науке в известном смысле может претендовать небольшое введение к учебному пособию (очень мало, к слову, своим содержанием соответствующее этому жанру) вот уже десятилетие стереотипно переиздающемуся в стране и красноречиво озаглавленное «Развитие экономической мысли: исторический контекст». Задачу истории экономической мысли его автор определяет как восстановление утраченных смыслов знания: «Вопреки распространенному мнению, история науки — нечто большее, чем кунсткамера, хранящая память о заблуждениях былых времен. Это способ лучше, т.е. полнее и глубже, овладеть тем, что накоплено в арсенале современной науки»¹. Определяет, заметим, несколько двусмысленно, поскольку под таким определением охотно бы «подписались» и противники контекстуализма. Например, самая обширная группа исследователей прошлого истории экономической мысли, занятых поиском более полного и правильного «понимания» идей экономистов прошлого — толкованием или ин-

терпретацией их текстов в свете современных экономических познаний толкователя.

Иное дело, когда восстановление подлинного смысла научной идеи или концепции ведется с учетом исторического контекста, задаваемого принадлежностью экономической мысли миру экономики, миру науки (в котором на определенном этапе начинает играть свою важную роль научное экономическое сообщество) и миру идеологии². Помещение экономического знания в контекст, равнозначное признанию факта его создания в режиме реального времени, смещает центр исследовательского внимания от научных идей к процессам их производства, т.е. к экономистам и их интересам, конкретным научным сообществам и характерной для них практике, научным институтам или месту, где знание было произведено.

Объект исследования уже не ограничивается научными текстами, понимание которых фиксируется в системе описаний, чаще лишь воспроизводящих смысл текста, или интерпретирующих его с позиций современного состояния знания. Объект, будь то дисциплинарная практика, механизмы рождения и распространения идей или знакомая по учебникам «борьба и смена экономических теорий», рассматривается как социальная реальность, подверженная влиянию многообразных факторов. По справедливому замечанию Ф. Дин, конечные цели исследований, ориентированных в большей мере на историографические, нежели телеологические или доктринальные критерии, являются уже не теоретическими или педагогическими, а эмпирическими. Основанные на архивных разысканиях их авторов, а не на идеях изложенных в канонических текстах, они ставят под сомнение «эволюционный характер, традиционно приписываемый экономистами истории их дисциплины, и героические штампы, при помощи которых они характеризуют своих старых мастеров»³.

В этом случае было бы логично видеть историю экономической мысли неотъемлемой частью интеллектуальной истории, понимая под последней по аналогии с политической или экономической историей дисциплину, проявляющую интерес к формам человеческой деятельности, а не к «жизни» абстракт-

тных «идей». Интеллектуальная история приходит на смену неконтекстной «истории идей» А. Лавджоя, отслеживавшей движение устойчивых идей («unit ideas») от «предшествующего» к «последующему» их пониманию, что делает ее схожей с презентизмом современной истории экономической мысли. Ничего общего интеллектуальная история в этом смысле не имеет и с использованием данного термина И. Лакатосом как синонима «духовной истории» для обозначения «внутренней» истории науки, противопоставляемой им «внешней», социальной истории науки.

Будучи призвана на службу отечественной науке с целью обновления арсенала историков, преодоления «вульгарного социологизма» марксистской историко-научной методологии, интеллектуальная история с первых своих шагов заявила о своих претензиях на роль дисциплинарной истории социального и гуманитарного знания. С точки зрения признанного лидера этого исследовательского направления в нашей стране Л.П. Репиной, интеллектуальная история «осуществляет реконструкцию прошлого знания, выявляет исторические изменения фундаментальных принципов, категорий, методов и содержания наук, формирование научной картины мира, стиля научного мышления, различных средств и форм научного исследования — на фоне общей духовной культуры, социально-организационных и информационно-идеологических условий конкретной эпохи»⁴.

Ранее и охотнее других под «крышу» интеллектуальной истории под флагом обновления профессиональной историографии переместились многие отечественные историки исторической мысли. В своем стремлении соответствовать традициям западной науки осознавшие, «что историография как история исторической науки, безусловно, является частью интеллектуальной истории, которая демонстрирует в ретроспективе сложный, противоречивый, часто прерываемый процесс познания... истории»⁵. Результатом чего стали попытки предложить новые модели историографии науки, в основу которых положен был культурологический ракурс видения последней, с акцентом на изучении «историографического быта», «куль-

турных гнезд», «культуры повседневности», «интеллектуального ландшафта» и т.д.*

В отличие от западной историографии экономической науки, уже не одно десятилетие выстраивающей свои отношения с интеллектуальной историей как дисциплиной, обеспечивающей связь с процессами, идущими в общей историографии, и активно рефлектирующей по поводу привносимых ею способов контекстуализации⁶, отечественные историки экономической мысли остались практически в стороне от движения в направлении интеллектуальной истории. Немногие исключения, реализующие традиционный для истории экономической мысли персонализированный, или биографический подход⁷, не сопровождались рефлексией по поводу обновления историографических подходов, расширения перспектив исторической реконструкции прошлого экономической науки. В силу чего в равной мере могут быть отнесены как к интеллектуальной истории, так и к социальной истории науки или даже традиционной истории экономической мысли, предлагающей одну из возможных интерпретаций истории экономической мысли, создаваемую под влиянием современных идеологических и политических обстоятельств**.

* Площадками для обсуждения проблематики новой историографии исторической науки в контексте развития интеллектуальной истории стали созданный в 1998 г. Центр интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН, Российское общество интеллектуальной истории (РОИИ), регулярно проводимые под их эгидой конференции, а также страницы издаваемого с 1999 г. журнала (первоначально — альманаха) «Диалог со временем» и современных изданий региональных отделений РОИИ.

** Показательна в этом смысле реакция У. Сэмюэlsa на содержание сборника статей по истории русской экономической мысли (среди их авторов присутствуют и российские исследователи), который содержит указание на жанр интеллектуальной истории в своем названии. Рецензент фактически усомнился в правомерности отнесения очерков, настаивающих на ключевой роли фактора политизации экономической мысли в России в деле объяснения ее истории, к интеллектуальной истории. Последняя, на его взгляд, «не может быть сведена к одной или двум проблемам, как бы важны они ни были, интеллектуальная история — это многофакторный процесс». Несмотря на то, что идеи рассматриваются в отношении к их контекстам, избирательный к ним подход позволяет говорить лишь об одной из возможных интерпретаций истории экономической мысли⁸. Причем, добавим, о ретроспективных интерпретациях. На взгляд же последовательного апологета истории экономической мысли как интеллектуальной истории Д. Уинча, в последней акцент должен быть сделан на «проспективном» в противоположность ретроспективному взгляду: «Мы не можем написать историю без преимуществ непредусмотрительности, но мы свободны в выборе: изобразить ли наших исторических акторов согласно манере, в которой они поступали, или так, как они могли бы поступить, обладай они нашим знанием позднее полученных результатов»⁹.

Началом, объединяющим историцистскую историю экономической мысли с интеллектуальной историей, как, впрочем, и с социальной историей науки, выступает лишь разделяемое ими утверждение об исторической относительности знания. Различает — существующая у исторических субдисциплин возможность попросту игнорировать многие проблемы, крайне важные для написания истории экономической мысли. В том числе и потому, что гражданская история, частью которой они являются, никогда не изучала познавательные, когнитивные процессы, в силу чего «ее собственная методология предельно далека от подлинных потребностей историко-научных исследований»¹⁰. Сам проект интеллектуальной истории, ставящей своей целью контекстуализацию истории знания, может, поэтому, рассматриваться, как порожденный стремлением привести исследования в этой научной области в соответствие с привычными стандартами академической истории. Связанная преимущественно с изучением прошлого социальной реальности — социальных, политических или экономических процессов, последняя в «нарушение конвенций» все активнее осваивает предметные поля социальных дисциплин, своими силами изучающих прошлое собственных дисциплинарных практик¹¹.

Интенсивность такого «освоения» не позволяет игнорировать фактор развития и обновления самой интеллектуальной истории. Уже сегодня очевидно, что статус дисциплинарной истории для гуманитарных и социальных наук был промежуточной станцией в ее движении от истории идей к «культурно-интеллектуальной истории», чьи интересы лежат в области истории исторической культуры и «которая включает в себя весь комплекс представлений о прошлом и способов его репрезентации»¹². По справедливому замечанию П. Берка, само уточнение — «культурная», уже «указывает на тяготение к ментальностям, стихийным представлениям и чувствам, которые... явно предпочитают идеям и системам мысли», в силу чего культурно-интеллектуальной истории свойственна, мягко говоря, «некоторая расплывчатость»¹³. Первоначально использовавшееся для обозначения предметной области исследования, понятие интел-

лектуальной истории ныне определяет скорее подход к истории как «истории понимания прошлого», круг проблем которой близок проблематике эпистемологии и методологии истории¹⁴.

Культуралистски ориентированная интеллектуальная история как «область неуловимых границ», по верному замечанию М. Хагнера, демонстрируя свою открытость по отношению к различным методологическим подходам, подвергается опасному соблазну «предлагать объяснения для всего», делая научные практики «дериватом структур, кодов, знаков или дискурсов»¹⁵. Не случайно творцы и сторонники подобного дрейфа дисциплины вынуждены констатировать, что историография (в данном случае исторической науки) как «часть интеллектуальной истории — это и не *дисциплинарная* (здесь и далее в цитате курсив автора цитируемой статьи. — Д. М.) история исторической науки, и не философская история исторической мысли, и тем более не *вспомогательная* проблемно-тематическая историография, а прежде всего *история исторической культуры*, исторического познания, сознания и мышления, история исторических представлений и концепций, образов прошлого и “идей истории”»¹⁶. Дисциплинарная история науки, история мысли и проблемно-тематическая историография признаются, соответственно, уже не столько традиционными, давно «отработанными» проблемными полями истории историографии (= интеллектуальной истории), сколько малоинтересными с позиций «новой культурно-интеллектуальной истории».

Свою роль, безусловно, играют и национальные особенности развития этой исторической субдисциплины. Область интеллектуальной истории формировалась в нашей стране во многом путем сознательного эклектизма, механического объединения традиционных исторических жанров и дисциплин, в силу чего востребованными (заимствованными из западной науки) оказались те подходы, что подводят к общему знаменателю, отбрасывая «специфику», для некоторых решающую при определении их предмета¹⁷.

Эклектизм отечественной интеллектуальной истории со всей очевидностью проявился в случае с историографией науки. Желая, например, во что бы то ни стало контролировать

исследовательское поле последней, она игнорирует даже очевидную критику, раздающуюся со стороны представителей истории науки в адрес современной интеллектуальной истории, сосредоточившейся на контексте и литературной форме и «выплеснувшей вместе с водой ребенка» — содержание научного знания¹⁸. Предлагаемая историками науки в качестве средства преодоления пропасти между контекстом и содержанием знания, между «внешней» и «внутренней» историей проблемная ориентация историографии науки — ее нацеленность на изучение реально стоявших перед учеными прошлого научных проблем, которая могла бы выправить «крен» интеллектуальной истории, незамедлительно последней «присваивается». Однако, присваивается отнюдь не как один из возможных способов наведения мостов между содержанием и контекстом: интеллектуальная история готова именоваться «проблемно-ориентированной», вкладывая в новое название принципиально иной смысл — обозначение им очередного этапа в ее движении прочь от изучения содержания научного знания¹⁹.

Между тем, проблемная ориентация историографии науки, наглядно демонстрирующая тот факт, что контекстуализация не является причиной для отказа от изучения содержания научного знания, а главное — превращающая отношение между содержанием и контекстом в отношение внутринаучное, будучи востребована дисциплинарной историей, способна серьезно скорректировать соотношение между используемыми ею историографическими подходами. Вопросы (и ответы на них), порождающие теории и концепции, а также «интеллектуальные собеседники», которым они были адресованы, и системы знаний, существовавшие в период создания этих концепций, рассматриваемые как контекст, могут быть положены в основание разграничения «контекстуального анализа» в историографии науки и интеллектуальной истории как разновидности исторического нарратива²⁰.

Признавая безусловные заслуги интеллектуальной истории в деле преодоления сложившихся в историографии конвенциональных (презентистских, ретроспективных) форм представления прошлого и расширения перспектив исторической реконс-

трукции***, стоит признать, что в современном своем виде она крайне далека от дисциплинарной истории. Интеллектуальная история может рассматриваться в качестве своеобразной «предыстории» дисциплины, реконструирующей интеллектуальный фон ее возникновения и бытования, подобно тому, как та же экономическая история может использоваться для реконструкции фона экономического. Поэтому историографии экономической науки суждено оставаться специализированной экономической дисциплиной, если она не намерена остаться «историей науки без науки». Она не должна отказываться от изучения важнейшей составляющей своего предмета — конкретного содержания научного знания, с той лишь разницей, что последнее должно быть осмыслено с учетом условий (в том числе и интеллектуальных) его производства и распространения.

Историографии экономической науки следует скорректировать свои исследовательские ориентации с учетом привнесимого интеллектуальной историей методологического плюрализма, признав право на существование в ее рамках разнообразных методологических подходов и исследовательских приемов. Наряду с социальной историей экономической науки, рассматривающей последнюю как сферу человеческой деятельности в широчайшем социальном, политическом и экономическом контексте, должно в ней найтись место и для интеллектуальной истории экономических идей, полагающей их неотъемлемой частью социокультурного ландшафта и помещающей в контекст соответствующих эпохе политических, философских и прочих идей.

Доминирующим в историографии экономической науки суждено все же остаться «историко-научному» подходу, также помещающему экономическое знание в исторический контекст, но акцентирующему внимание на интеллектуальной/когнитивной и социальной стороне процессов производства научного знания, его систематизации, распростране-

---

*** В более широком смысле историография экономической науки должна быть признательна получившей распространение в западной науке «историографии с недисциплинарной точки зрения», т.е. обращению к истории экономической мысли не экономистов, а тех же интеллектуальных историков, экономических историков, историков литературы и др. специалистов, наглядно продемонстрировавших возможности, открывающиеся с использованием исторического/контекстуального подхода.

ния и рецепты научным сообществом экономистов и за его пределами. Выносящему, тем самым, на передний план уже не объяснение развития экономической науки внешними социальными или интеллектуальными факторами, а проблемы «внутренней» социальности науки, присущих ей способов контекстуализации экономического знания.

Примечания

¹ Ананьин О.И. Развитие экономической мысли: исторический контекст // История экономической мысли: учеб. пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М., 2000. С. 7.

² Ананьин О.И. Развитие экономической мысли: исторический контекст // История экономической мысли: учеб. пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М., 2000. С. 8; его же. Может ли наука быть руководством к действию? // Вопросы экономики. 2001. № 2. С. 48.

³ Дин Ф. Роль истории экономической мысли // Панорама экономической мысли конца XX столетия: в 2 т.: пер. с англ. / ред. Д. Гринэуэй, М. Блини, И. Стюарт. СПб., 2002. Т. 1. С. 47.

⁴ Репина Л.П. Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории / под ред. Л.П. Репиной и В.И. Уколовой. Вып. 1. М., 1999. С. 9.

⁵ Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX века: учеб. пособие. Омск, 2001. С. 10.

⁶ Хотя в результате идущего с 1960-х гг. обсуждения указанных проблем интеллектуальная история экономической мысли и остается на периферии исследовательского внимания историков экономической мысли, по числу приверженцев уступая традиционной «истории экономического анализа», она заняла свое законное место в ряду историографических подходов ими используемых. См., например: Klaes M. *Historiography // A Companion to the History of Economic Thought* / ed. by W.J. Samuels, J.E. Biddle, J.B. Davis. Oxford: Blackwell, 2003. P. 491–506; Samuels W. *The History of Economic Thought as Intellectual history // History of Political Economy*. 1974. Vol. 6. P. 305–323; Winch D. *Intellectual History and the History of Economic Thought: A Personal View // History of Economics Review*. 2009. № 50 (Summer). P. 1–16. Режим доступа: <http://www.hetsa.org.au/aigaion2/index.php/attachments/single/52>.

⁷ Нейман А.М. Биография в истории экономической мысли и опыт интеллектуальной биографии Дж. М. Кейнса // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории / под ред. Л.П. Репиной. М., 2002. Вып. 8. С. 11–31.

⁸ Economics in Russia: Studies in Intellectual History. Burlington, VT: Ashgate, 2008. 198 pp. / Vincent Barnett and Joachim Zweynert, editors // Reviewed for EH.NET by W.J. Samuels. Режим доступа: <http://eh.net/content/samuels-barnett-and-zweynert-eds-economics-russia-studies-intellectual-history>.

⁹ Winch D. Intellectual History and the History of Economic Thought: A Personal. P. 10.

¹⁰ Кузнецова Н.И. История естествознания в контексте естественно-научных и гуманитарных дисциплин // Науковедение. 2002. № 4. С. 97.

¹¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. СПб.: Наука, 2003. Т. 1. С. 238.

¹² Репина Л.П. Современная историческая культура и интеллектуальная история // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории / под ред. Л.П. Репиной. М., 2001. Вып. 6. С. 6.

¹³ Берк П. Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005. № 5 (75). С. 78.

¹⁴ Репина Л.П. Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI веков // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 12–22; ее же. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории / под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. Вып. 25-1. С. 5–11.

¹⁵ Хагнер М. История науки // Наука и научность в исторической перспективе / под общ. ред. Д. Александрова, М. Хагнера. СПб., 2007. С. 26–27.

¹⁶ Репина Л.П. Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной истории // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сб. ст. / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 27–28.

¹⁷ Дмитриев А. Контекст и метод: (предварительные соображения об одной становящейся исследовательской индустрии) // Новое литературное обозрение. 2004. № 2 (66). С. 14.

¹⁸ Jardine N. Intellectual History and Philosophy of Science // Intellectual News. 1996. № 1. P. 33. Режим доступа: <http://www.idih.org/pdf/IN-gesamt.pdf>.

¹⁹ Репина Л. П. «Второе рождение» и новый образ интеллектуальной истории // Историческая наука на рубеже веков / отв. ред. А.А. Фурсенко. М.: Наука, 2001. С. 185; Репина Л.П. Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI веков. С. 17; Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории. С. 8.

²⁰ Marcuzzo M.C. Is history of Economic Thought a «serious» subject? // Erasmus Journal for Philosophy and Economics. 2008. Vol. 1, iss. 1. P. 111–112. Режим доступа: <http://ejpe.org/pdf/1-1-art-5.pdf>.